

© С. А. Попова

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.09)

УДК 811.161.1'37 + 811.111

ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СМЕХ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

С. А. Попова (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена исследованию сложной ментальной структуры «Смех» в русской и английской языковых картинах мира. Автором отмечается, что анализируемую ментальную структуру можно рассмотреть как концепт-образ и как концепт-сценарий. Цель статьи – моделирование образной составляющей ментальной структуры «Смех» в русской и английской языковых картинах мира и выявление отраженной в ней национальной специфики. Анализ образного компонента ментальной структуры «Смех» в обеих картинах мира проводится с учетом метафорического подхода: метафора отражает логические и мифологические особенности мышления человека. Автор выделяет и описывает метафоры, представленные в обоих языках: антропоморфная, зооморфная, натуроморфная, морбиальная. В русском и английском языках смех персонифицируется, осмысливается как живое существо (антропоморфная метафора). В рамках зооморфной метафоры смех в русской и английской языковых картинах мира рассматривается как звукоподражание животным (лошади, свинье, ослу, гусю, гиене и т. д.). Натуроморфная метафора сочетает в себе следующие представления: смех как вещество, материал, жидкость, лекарство, оружие, щит. Образ смеха как болезни сложный и многомерный, он разворачивается в сценарий болезни, нездорового состояния субъекта смеха. Данная ситуация в обеих языковых картинах мира включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в состоянии сильного смеха: нарушение пищеварительной системы, дыхания, психики, изменение оттенка кожи и т. д. Подчеркивается, что метафорические наименования позволяют охарактеризовать как эмоциональное состояние самого смеющегося, так и эмоциональную оценку слушателя или объекта смеха. В заключении делаются выводы о том, что общими для описания смеха и эмоциональных состояний, с ним связанных, являются следующие метафоры: антропоморфная (персонификация), вещественная и жидкостная метафора, включающая синестезическую (вкусовую, цветовую, тактильную).

Ключевые слова: языковая картина мира, ментальная структура, концепт, концепт-образ, концепт-сценарий, лексема, метафора, дефиниционный анализ, дискурсивный анализ.

Попова Светлана Андреевна – аспирант кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: spspsp@list.ru

В современной когнитивистике наблюдается повышенный интерес лингвистов к проблеме взаимосвязи языка и эмоций, способам языковой концептуализации эмоций в разных лингвокультурах. В. И. Карасик отмечал, что сфера эмоций является «одной из наиболее сложных областей описания лингвокультурной специфики того или иного народа» [1]. Это связано с метафоричностью языковых средств выражения эмоций, ведь чувства почти никогда не выражаются прямо и зачастую уподобляются чему-то. Дж. Лакофф определил, что эмоции могут быть поняты путем исследования метафор, в которых эти эмоции концептуализируются в языке. Познавательная сущность метафоры как механизма понимания абстрактных сущностей была отражена в теории концептуальной метафоры [2].

На сегодняшний день существует ряд отечественных и зарубежных исследований, посвященных метафорическому моделированию различных эмотивных концептов, таких как радость [3–4], счастье [5], печаль [6–7], горе [3; 8], страх [3; 7; 9], любовь [10], злость и гнев [6; 11–13] (в том числе в сопоставительном аспекте [7; 10]). Как отмечал С. Г. Воркачев, для таких «концептов-духовных ценностей» большое значение имеет «образный компонент, опредмечивающий в языковом сознании когнитивные метафоры, через которые постигаются абстрактные сущности» [5]. Описывая образную составляющую концепта «Счастье», исследователь показал, как различные метафоры (зооморфная, ботаническая, вкусовая, цветовая и др.) позволяют воплотить в чувственных образах (животных, растений, вещества, имеющего вкус, цвет и др.) трудно постигаемую абстракцию – счастье.

Исследуемая нами ментальная структура «Смех» выступает одним из ключевых понятий русской и английской культур и соотносится с эмотивными концептами. Смех (сам по себе не являясь эмоцией) выражает различные чувства и эмоциональные состояния человека: *смех – выражение полноты удовольствия, радости, веселья или иных чувств отрывистыми характерными звуками, сопровождающимися короткими и сильными выдыхательными движениями*¹. Метафора также приобретает существенное значение для конструирования и интерпретации ментальной структуры «Смех».

Информация о смехе и о его эмоциональной составляющей концептуализируется в ментальном пространстве человека как концепт-образ и концепт-сценарий. Такой подход – анализировать информацию о внеязыковой ситуации как одновременно существующую в разных ментальных «упаковках» – был ранее использован Т. А. Трипольской [14], А. Г. Бердниковой [15], Л. В. Мальцевой [8], Мариновой Е. Д., Евдокимовой А. А. [4] и др., а также реализован нами при исследовании ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира [16]. Образ опирается на комплекс метафорических наименований, описывающих представления людей о смехе и его субъекте – носителе того или иного эмоционального состояния. Ментальный сценарий предполагает исследование компонентов эмоционально-оценочной ситуации смеха (субъекта, объекта, предиката, цели и каузатора смеха, взаимоотношений между субъектом и объектом, оценочной и эмоциональной составляющих) и способов взаимодействия участников коммуникации.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, 2010. – 1200 с.

Цель настоящей статьи – моделирование образной составляющей ментальной структуры «Смех» и «*Laugh*» в русской и английской языковых картинах мира (далее – РЯКМ и АЯКМ) и выявлению отраженной в нем национальной специфики.

В результате дефиниционного и дискурсивного анализа лексем, входящих в семантические поля «Смех» и «*Laugh*», был выделен ряд метафорических образов, репрезентирующих образную составляющую изучаемых ментальных структур. Материалом для анализа стали данные толковых^{2,3} и фразеологических^{4,5} словарей, а также текстовые фрагменты из Национального корпуса русского языка⁶, Британского национального корпуса⁷ и *ABVYU Lingvo*⁸.

Предпринятый нами анализ подтверждает некоторые результаты исследования Ю. А. Кузнецова, который описывал образный компонент ментальной структуры «Смех» в РЯКМ, называя метафоры живого существа, военной сферы, материала, жидкости, вкуса и болезни [17]. Нами уточнены и дополнены образные составляющие ментальной структуры «Смех»: образы оружия и щита (описывающие метафору борьбы/войны/схватки); образ лекарства; материала/вещества и его свойств (вкус, температура, цвет); болезни и ее атрибутов, зооморфные образы субъекта смеха. Предпринята попытка структурировать полученные метафорические наименования: 1) *ан-*

тропоморфная метафора (смех как живое существо, враг, противник); 2) *зооморфные образы субъекта смеха* (лошадь, свинья, птица и др.); 3) *натуроморфная метафора* (смех как вещество/материал, жидкость, лекарство, оружие, щит); 4) *морбиальная метафора* (смех как болезнь, смерть). Построенная нами классификация метафор актуальна для ментальной структуры «Смех» как в РЯКМ, так и в АЯКМ.

1. В русском и английском языках *смех* персонифицируется, осмысливается как *живое существо*. Значительную продуктивность данной метафоры связывают с антропоморфным характером человеческого познания [18, с. 284]. Как *враг, противник* на войне, смех *нападает* и *овладевает* человеком, *охватывает* его. Например: *Но когда <...> они оба подняли глаза и взглянули в тарелки друг друга, смех овладел обоими; He had the giggles; He was taken with a fit of laughter*. Смех нарушает нормальное функционирование организма субъекта: смех *разбирает* человека, не дает ему спокойно дышать, *душит*, как видно из примеров: *Смех душил меня, вырывался клубами; His laughter was choking him*. Данные метафоры актуализируют семантику силы и власти смеха над человеком, а также стихийности, неконтролируемости и интенсивности эмоционального состояния смеющегося.

Заметим, что в семантической структуре высказываний смех обычно занимает позицию активно действующего субъекта. Подобно

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

³ The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 1.03.16)

⁴ Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1986. – 464 с.

⁵ The Phrase Finder [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.phrases.org.uk/> (дата обращения 1.03.16)

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 1.03.16)

⁷ British National Corpus [Электронный ресурс]. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 1.03.16)

⁸ *ABVYU Lingvo-Online* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lingvo-online.ru/> (дата обращения 1.03.16)

другим эмоциональным состояниям, «Смех» предстает как хозяин, который овладевает человеком и может распоряжаться им по своему усмотрению (Ср.: *гордость одолела; напал страх* и т. д.). При этом смеющийся может выступать в роли пассивного объекта воздействия (*на него напал смех, его разобрал смех*) и активно действующего субъекта, борющегося со смехом (*он боролся со смехом, подавил, укротил смех*).

2. В рамках *зооморфной метафоры* смех в РЯКМ и АЯКМ рассматривается как звукоподражание животным. Смех, как было сказано выше, нарушает нормальное состояние человека, при этом «будит» в нем дикого зверя, животного, которое *рычит, воет, чирикает; to roar, to howl with laughter, to twitter* и т. д. Смеющийся человек может представляться носителям языка в образах разных животных: лошади, осла (*ржать, лошадиный смех, смеяться, как осел; to neigh like a horse, to laugh a donkey, to hee-haw*), свиньи (*хрюкать от смеха; to laugh and grunt like a very loud little pig*), гуся и курицы (*гогот, кудахтающий смех; to gaggle, to cackle*). В английском языке существует национально окрашенный фразеологизм *to laugh like a hyena* – смеяться визгливо и пронзительно. Носители английского языка заметили сходство звучания человеческого смеха со звуками, которые издают гиены. Однако для русского человека такое сравнение неактуально, потому что об этом животном в русской культуре есть лишь общие представления.

Заметим, что в качестве субъекта смеха выступают зооморфные образы таких животных, которые издают громкие, резкие, неприятные на слух звуки: лошади, ослы, гуси, гиена. Такой субъект и его сильный «животный» смех вызывают отрицательное эмоциональное отношение у слушателей, как видно из приме-

ров: *Хватит ржать! У меня уже голова кружится; Греголет какая-то тварь, то есть ржет по-лошадиному; Have you ever laughed out loud like a hyena? If you have, you may have scared your friends; They both laughed like hyenas at stuff that wasn't over funny. I didn't even enjoy sitting next to them in the movies.* И в РЯКМ и в АЯКМ отражено, что таким образом обычно смеются мужчины: *Соседние пацаны во дворе ржали, как лошади; The sailors all laughed at me because I walked and neighed like a horse.*

3. Для обеих картин мира актуальна *натуроморфная метафора* смеха – перенос наименований реально существующих предметов на психические факты внутреннего мира человека [18, с. 292]. Смех в РЯКМ и АЯКМ рассматривается как вещество (материал), жидкость, лекарство, оружие и щит.

3.1. Звучание смеха в русском и английском языках может восприниматься и оцениваться как *вещество* (или *материал*), обладающее определенными свойствами: *вкус, цвет, температурная характеристика, структура/консистенция*. При этом источником образования метафор, описывающих смех как вещество/материал, является синестезия, которая характерна и для эмотивных концептов.

Аудиально воспринимаемый звук смеха интегрируется со вкусовыми ощущениями: смех может быть сладким, горьким. Например: *Тут – сладкий смех, тут поцелуй легчайший.* Восприятие звучания смеха синестетически связано с визуальным восприятием цвета и света. Смех предстает окрашенным в разные цвета (*розовый, серебристый* и др.), может быть светлым, блеклым и ярким. Например: *А на лицах засияет розовый смех – лучший друг души и желудка; У тебя прошел светлый смех и добродушная шутка; There were silvery peals of laughter.* Зрительный образ соединя-

ется также с тактильными ощущениями (хрустальный, жемчужный, ржавый, бархатный и др.), смех имеет температуру и бывает горячим, теплым, прохладным, холодным, как видно из примера: *Васьеву послышалось что-то похожее на едкий холодный смех; The fox's cold laughter joined hers.* Данные метафорические наименования позволяют охарактеризовать разные типы звучания смеха, выражающие положительную или отрицательную эмоциональную оценку слушателя: с одной стороны – серебристый, сладкий, мягкий, бархатный, с другой стороны – ржавый, холодный, горький).

В английском языке обнаруживается национально окрашенное сравнение, имеющее в семантике негативную коннотацию: *to laugh like a drain.* Смеяться как канализационная труба – смеяться громко или грубо, доставляя дискомфорт другим. В основе сравнения лежит сходство неприятного на слух звучания булькающей воды в канализации и человеческого смеха.

3.2. В анализируемых языках смех интерпретируется, как и все эмоции в целом, через образ вещества определенной консистенции – жидкости, заполняющей человека изнутри. «Жидкостная метафора общеэмоциональна и восходит скорее всего к представлениям об эмоциональной жизни человека, регулируемой истечением “соков” и “духов”, которые сложились в “наивной физиологии” и в средневековой науке» [19]. Смех, как вода, может литься или плескаться. Например: *Заливался Охватюхин веселым старческим смехом, необыкновенно похожим на беззаботный детский смех; “I love this dress”, – she whispered against his throat, laughter still spilling into his mind; Laughter spilled out of his prodigious frame like gravel being unloaded from a dump truck.* Смех, как жидкость, может заполнить человека до такой степени, что он может

лопнуть: *Товарищ мой кусал себе губы и чуть не лопнул от смеха, который готов был вырваться из его груди громким хохотом; We burst out laughing when the man screamed after seeing the mouse.*

Смех, как стремительный поток воды, неудержимый, неумный, неукротимый. Его сдерживают, но он прорывается, вырывается. Например: *Билли Кинг поворачивает голову к Фесту и сквозь слезы тоже начинает смеяться, это еще не смех, а всхлипывания, но смех прорывается.* В данных метафорах актуализируется семантика силы, стихийности смеха и интенсивности эмоционального состояния смеющегося.

В русском языке смех осмысливается как сильный дождь, сопровождаемый громом и грозой. Соотносимы раскаты грома и раскаты смеха. Кроме того, слова *громкий* (смех) и *гром* исторически являются родственными. Разразиться может гроза, и смехом можно разразиться. Например: *В перерыве мы смущенно закурили из моего запаса махорки, и, пуская дым к верхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом.* Данные метафорические наименования, кроме интенсивности эмоционального состояния, актуализируют неожиданность проявления того или иного чувства.

3.3. Представления носителей русского и английского языков об эмоциональном состоянии как о некоем предмете, способном проникать внутрь (как, например, жидкость), дополняется образом лекарства. Смех, как лекарство, улучшает состояние человека, лечит его, продлевает жизнь. Например: *Смех – это хорошо. Смех прибавляет сил; Дмитрий Масалитин верит, что смех продлевает жизнь и поэтому читает «Столицу»; А завершается наш разбор дружным, снимающим стресс смехом; Dad always thought laughter was the best medicine.*

3.4. С одной стороны, для носителей обоих языков смех предстает в образе *противника на войне* (см. выше) или его *оружия* и может *поранить, убить*. Например: *Его хохмы, шуточки, постоянное желание вызвать улыбку у окружающих были связаны с интуитивным знанием: смех убивает; А сатирический смех – это действительно грозное оружие; Behind me, Redcoat was still laughing: the sound of it prickled in my palms*. С другой стороны, смех интерпретируется как *щит*: *Его принцип – отрицание разумности жизни и попытка защититься смехом от ее абсурдных и калечащих человека конфликтов и противоречий; Ведь смех – это высшая форма защитной реакции; Laughter can also be a protective reaction of the body*. Как видим, представления о смехе отличается амбивалентностью (подробнее см. далее).

Метафора смеха как щита и оружия перекликается с представлением о смехе как живом существе – враге, противнике. Она разворачивается в *сценарий военных действий*, в котором между субъектом и одушевленным объектом смеха (причем именно человеком) возникают особые отношения, какие существуют в военной сфере. Субъект смеха нападает (с помощью смеха-оружия), а объект должен защищаться, тем самым, не давая себе потерпеть поражение.

4. Образ *смеха* как *болезни и смерти* в русском и английском языке реализуется в словосочетаниях *приступ/припадок/спазмы смеха*. Смех мыслится как инфекция, которой можно заразиться. Например: *И так неожиданно для Копылова результат его слов, так*

заразителен смех Григория, что он сам рассмеялся. Hers was the twinkle and the laughter infectious as chickenpox.

Образ смеха как болезни сложный, многомерный, он разворачивается в сценарий болезни/нездорового состояния субъекта смеха. Данная ситуация в обеих ЯКМ включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в состоянии сильного смеха: 1) непроизвольные движения тела, изменение положения тела в пространстве; 2) нарушение пищеварительной системы; 3) изменение оттенка кожи; 4) нарушение дыхания; 5) нарушение психики и изменение сознания; 6) потеря жизненных функций (смерть). Сравним «симптоматику» смеха в РЯКМ и АЯКМ (табл.).

Как видим, уникальным симптомом смеха в АЯКМ является хромота.

Отметим, что в примерах, приведенных в пп. 1, 3.4 и 4, в значении слова *смех* стирается негативный компонент, который в сознании людей связан с понятиями болезни, смерти, убийства. Образ смеха амбивалентен: это и болезнь, и выздоровление (смех как свидетельство душевного здоровья). Смех, как считал Д. С. Лихачев, заключая в себе «разрушительное и созидательное начала одновременно», умертвляет (как и болезнь может умертвлять) старое, но создает новое, т. е. человек как бы заново рождается благодаря смеху. Смех повышает настроение и, как лекарство, «снимает психологические травмы, облегчает человеку его трудную жизнь, успокаивает и лечит» [20, с. 3].

Смех как болезнь в русской и английской языковых картинах мира
Laughter as a disease in the Russian and English language pictures of the world

Симптомы	РЯКМ	АЯКМ
1) непровольные движения тела, изменение положения тела в пространстве	<i>валяться со смеху, смеяться до упаду, покачнуться от смеха, трястись, дрожать, биться в конвульсиях/судорогах от смеха, хвататься/держаться за животы/животики</i>	<i>to be convulsed with laughter; to shake with laughter like jelly; to scream down; to roll in the aisles</i>
2) нарушение пищеварительной системы	<i>смеяться до тошноты, рвоты, икоты или до боли/коликов в животе, смехом бока надсадить, надорвать животы/животики/кишки (смехом)</i>	<i>to burst/rupture a gut, to laugh oneself sick, to break up, to crack up, to clutch one's sides, to burst/rupture a gut, to burst out laughing</i>
3) изменение оттенка кожи	<i>покраснеть/посинеть от смеха</i>	<i>Claud laughed and flushed</i>
4) нарушение дыхания	<i>задышаться от смеха, давиться, захлебываться им, смех душит</i>	<i>His laughter was choking him.</i>
5) нарушение психики и изменение сознания	<i>смеяться, как сумасшедший, до истерики, потери сознания/памяти</i>	<i>to laugh one's head off, to laugh oneself silly</i>
6) потеря жизненных функций (смерть)	<i>смеяться до потери пульса/до смерти, умереть/помереть от смеха</i>	<i>to die with laughter</i>
7) хромота	–	<i>to laugh oneself limp</i>

Подведем итоги.

1. Анализ образного компонента ментальной структуры «Смех» в РЯКМ и АЯКМ был проведен на материале метафорической лексики. Метафора является «наглядным» способом моделирования эмоциональных реакций и состояний и помогает их описать через уподобление.

2. Выделенные нами метафорические наименования актуальны для ментальной структуры «Смех», репрезентируемой в обеих ЯКМ: 1) *антропоморфная метафора* (смех как живое существо, враг, противник); 2) *зооморфные образы субъекта смеха* (лошадь, свинья, птица и др.); 3) *натуроморфная метафора* (смех как вещество/материал, жидкость,

лекарство, оружие, щит); 4) *морбиальная метафора* (смех как болезнь, смерть).

3. Проведенный нами дефиниционный и дискурсивный анализ лексем показали, что в концептосфере русской и английской лингвокультур «Смех» соотносится, с одной стороны – с жизнью и здоровьем (лекарством), с другой – со смертью и болезнью; с нападением и защитой, а также с победой и поражением.

4. Анализ образного компонента ментальной структуры «Смех» показал, что общими для смеха и эмоциональных состояний в целом являются следующие метафоры: антропоморфная (персонификация), веществен-

ная и жидкостная метафора, включающая синестезическую (вкусовую, цветовую, тактильную).

5. В образном слое рассматриваемых ментальных структур в РЯКМ и АЯКМ проявляется национально-культурная специфика. Например, в английских фразеологизмах *to laugh like a hyena, to laugh like a drain, to laugh oneself limp*. Смех человека соотнесен со звуками, издаваемыми гиеной или канализационной трубой. Субъект смеха в английском языке может смеяться до хромоты – уникальный симптом смеха как болезненного состояния.

6. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «Смех» тесно связаны между собой. Обнаруживаются некоторые

сложные образы, которые могут разворачиваться в тот или иной вариант событийного сценария смеха. Например, образ смеха как живого существа, противника и как щита и оружия представляется в виде сценария военных действий, в котором есть нападающий и защищающийся. При этом между субъектом и объектом смеха возникают особые отношения, какие существуют в военной сфере. Образ смеха как болезни разворачивается в сценарий заразительного смеха, передающегося от одного субъекта к другому. Ситуация смеха как болезни включает в себя определенные физиологические симптомы и особенности поведения человека, находящегося в этом состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Карасик В. И.** Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
2. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 234–251.
3. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды: т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
4. **Маринова Е. Д., Евдокимова А. А.** Эмоциональный концепт joy (радость): структура и способы объективации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 150–153.
5. **Воркачев С. Г.** Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47–58.
6. **Wierzbicka A.** «Sadness» and «anger» in Russian: The non universality of the so-called «basic human emotions» // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – С. 3–28.
7. **Волостных И. А.** Антропоморфная метафора как основной способ экспликации эмоциональных концептов «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2006. – Т. 12, № 2Б. – С. 534–537.
8. **Мальцева Л. В.** Интерпретация концепта «горе» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 260–270.
9. **Athanasiadou A.** The conceptualisation of the domain of FEAR in Modern Greek // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – P. 227–252.
10. **Воркачев С. Г.** Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 125–138.
11. **Mikołajczuk A.** The metonymic and metaphorical conceptualisation of anger in Polish // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – P. 153–190.

12. **Taylor J., Mbense Th.** Red dogs and rotten mealies: How Zulus talk about anger // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. – Berlin, 1998. – P. 191–226.
13. **Лаккофф Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М., 2004.
14. **Трипольская Т. А.** Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – 166 с.
15. **Бердникова А. Г.** Концепт «благодарность» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – С. 34–42.
16. **Попова С. А.** Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 232–238.
17. **Кузнецов Ю. А.** Русские наименования мимических жестов в зеркале метафоры // XXXIII Международная филологическая конференция. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – СПб., 2004. – С. 102–106.
18. **Красавский Н. А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001.
19. **Воркачев С. Г.** Образная составляющая концепта «Love» // Воркачев С. Г. Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии. – Волгоград, 2012. – С. 36–42.
20. **Лихачев Д. С.** Смех в Древней Руси // Избранные работы: в 3 т. – Л., 1984. – Т. 2. – 298 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1602.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1602.09)

Popova Svetlana Andreevna, Post-Graduate Student of the Department of Modern Russian Language, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID iD [0000-0003-0003-2152](https://orcid.org/0000-0003-0003-2152)
E-mail: spspsp@list.ru

THE METAPHORICAL COMPONENT OF THE MENTAL STRUCTURE *LAUGH* IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

Abstract

The article is devoted to research of the mental structure «Laugh» in the Russian and English language pictures of the world. The paper emphasizes the complexity of its organization in both languages. It is noted that the analyzed mental structure can be considered as a concept-image and as a concept-scenario. The purpose of the article is modeling the figurative component of the mental structure «Laugh» in the Russian and English language pictures of the world and detection of the national peculiarities. The author uses metaphorical approach to the description of mental structure. The researcher identifies and describes the metaphors presented in both languages, such as anthropomorphic, zoomorphic, naturomorphic, morbid metaphors. Laughter is personified in the Russian and English languages (an anthropomorphic metaphor). Subjects of laughter appear in images of various animals: horse, pig, donkey, goose, etc. (a zoomorphic metaphor). The naturomorphic metaphor combines the following: laughter as a substance, material, liquid, medicine, weapon or shield. The Image of laughter as an illness is difficult and multidimensional. It is developed in the scenario of an illness and an unhealthy condition of the subject of laughter. This situation in both language pictures of the world includes certain physiological symptoms and features of behavior of the person who is in condition of strong laughter: the problems with digestion, breath and mentality, change in completion, etc. It is emphasized that metaphors characterize emotional states of the subject and emotional assessments of the listener or object of laughter. The author concludes by emphasizing the fact: common for the description of laughter and emotions are the anthropomorphic, substance and liquid metaphors, which include synesthetic flavor, color, tactile metaphors.

Keywords

Language picture of the world, mental structure, concept, concept-image, concept-scenario, lexeme, metaphor, definitional analysis, discourse analysis.

REFERENCES

1. Karasik V. I. Cultural dominants in language. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Change, 2002, pp. 166–205.
2. Lakoff G. Metaphors we live by. *Language and modeling of social interaction*. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 234–251.
3. Apresyan Yu. D. *Chosen works*. Vol. 2. Moscow, Languages of the Russian Culture school Publ., 1995.
4. Marinova E. D., Evdokimov A. A. Emotional concept of joy (pleasure): structure and ways of an objectivization. *Kemerovo State University Bulletin*. 2008, no. 2, pp. 150–153. (In Russian)

5. Vorkachev S. G. Concept «Happiness»: conceptual and figurative components. *News of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*. 2001, vol. 60, no. 6, pp. 47–58. (In Russian)
6. Wierzbicka A. «Sadness» and «anger» in Russian: The non universality of the so-called «basic human emotions». *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 3–28.
7. Volostnyh I. A. Anthropomorphic metaphor as the main way of explication of emotional concepts «Fear» and «Sorrow» in the Russian and French linguistic world pictures. *Tambov State Technical University Bulletin*. 2006, vol. 12, no. 2b, pp. 534–537. (In Russian)
8. Maltseva L. V. Interpretation of the concept «Grief» in the Russian language picture of the world. *Problems of interpretative linguistics: interpreters and types of interpretations. Interuniversity collection of scientific works*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Publ., 2004, pp. 260–270.
9. Athanasiadou A. The conceptualisation of the domain of FEAR in Modern Greek. *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 227–252.
10. Vorkachev S. G. Semantization of love concept in the Russian and Spanish lexicography (comparative analysis). *Language and emotions*. Volgograd, Change Publ., 1995, pp. 125–138.
11. Mikołajczuk A. The metonymic and metaphorical conceptualisation of anger in Polish. *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 153–190.
12. Taylor J., Mbense Th. Red dogs and rotten mealies: How Zulus talk about anger. *Speaking of emotions: Conceptualization and expression*. Berlin, 1998, pp. 191–226.
13. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things. What categories of language tell us about the thinking*. Moscow, 2004.
14. Tripolskaja T. A. *Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatical aspects*. Novosibirsk, NGPU, 1999, 166 p.
15. Berdnikova A. G. The concept «Gratitude» in the Russian language picture of the world. *Problems of interpretative linguistics*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Publ., 2000, pp. 34–42.
16. Popova S. A. Figurative and scenario components of mental structure «Laugh» in the Russian language picture of the world. *Siberian philological journal*. 2015, no. 1, pp. 232–238. (In Russian)
17. Kuznetsov Yu. A. The Russian names of the mimic gestures in the metaphor mirror. *XXXIII international philological conference. Russian as foreign language and technique of his teaching*. Saint Petersburg, 2004, pp. 102–106.
18. Krasavskiy N. A. *Emotional concepts in German and Russian language cultures*. Volgograd, Peremena Publ., 2001.
19. Vorkachev S. G. The figurative component of the concept «Love». Vorkachev S. G. *Anglica selecta: the chosen works of linguistics conceptology*. Volgograd, 2012, pp. 36–42.
20. Likhachev D. S. *Laughter in the Ancient Russia. The Chosen works*. Leningrad, 1984, vol. 2. 298 p.